

И.Ю. Медников***

НАШЕСТВИЕ «АНТИХРИСТА»: ФРАНЦУЗЫ В ЗЕРКАЛЕ ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ ИСПАНИИ

В начале мая 1808 г. члены испанской королевской семьи оказались на юге Франции, в Байонне, где император французов Наполеон Бонапарт собирался решить судьбу Испании и ее колоний. Карл IV недавно был вынужден отречься от короны в пользу сына, Фердинанда VII. Тот ненавидел отца, мать Марию-Луизу Пармскую и всесильного фаворита — «Князя Мира» Мануэля Годоя. Все видели в Наполеоне третейского судью, арбитра, способного разрешить спор о короне, но у императора французов на этот счет были другие соображения. Ведь не зря уже почти половина Испании, включая Мадрид, была занята французской «союзнической» армией.

В это время в Мадриде командовавший французскими войсками на Пиренейском полуострове Иоахим Мюрат потребовал выдачи французам младшего сына Карла IV, инфанта Франсиско де Паула. Утром 2 мая он попытался вывезти инфанта силой, но жители Мадрида восстали. Сопrotивление испанцев было потоплено в крови. Получив известия о мадридском восстании, Наполеон заставил Карла IV и Фердинанда VII отречься от короны предков и передать ему, императору французов, королю Италии и протектору Рейнского союза права на испанский престол. В договоре, подписанном с Карлом IV, оговаривались два условия: сохранение целостности и независимости Испании и ее колоний, а также признание католической религии единственной в государстве. Взамен испанским Бурбонам, оставшимся во Франции, предоставлялась немалая рента¹.

Наполеон пригласил в Байонну представителей испанского духовенства, знати и третьего сословия, чтобы узнать «желания и нужды» самих

---

* *Игорь Юрьевич Медников — младший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, директор Международного учебно-научного Иберийского центра Российского государственного гуманитарного университета.*

** *Сердечно благодарю за помощь и советы при написании этой статьи А. Гимеру Рабину и Л. Лопеса-Окона Кабреру (Высший Совет научных исследований Испании), Р. Кальво Боведа (Министерство образования, культуры и спорта Испании), Ж. Пучсека Фарраса (Барселонский автономный университет) и Е.Э. Юрчик (МГУ им. М.В. Ломоносова).*

¹ *Copia del Tratado entre Carlos IV y el Emperador de los Franceses // Toreno, conde de. Historia del levantamiento, guerra y revolución en España. T. 1. (Colección de los mejores autores españoles. T. 6). P., 1838. P. 467—468.*

испанцев². Многие из них были доставлены силой, другие прибыли, опасаясь за свои должности и жизнь, третьи были «рекрутированы» из числа испанцев, проживавших на юге Франции. Заседания «Байонских кортесов» открылись 15 июня 1808 г. Их главная задача заключалась в утверждении текста конституции, подготовленного французами. Еще 6 июня Наполеон подписал декрет о назначении своего брата, короля Неаполя Жозефа Бонапарта королем Испании и Индий. 7 июля 1808 г. Жозеф присягнул конституции, принятой «Байонскими кортесами», и стал королем Испании Хосе I. Новый король выехал в Мадрид.

Первая статья «Байонской конституции» гласила: «Католическая, апостольская и римская религия будет религией короля и нации. Не будет разрешена никакая другая религия»³. В завоевательной политике Наполеона подобное отношение к церкви было скорее исключением, но это внимание к религии было отнюдь не случайным. Испания в начале XIX в. была католической страной, где религия играла огромную роль в повседневной жизни подавляющего большинства населения. К тому же церковь являлась крупнейшим собственником. 30 000 монастырей, 19 000 церквей, 15 000 ризничих, 16 000 приходских священников, 60 000 монахов и послушников⁴ — внушительная сила в стране, где проживало около 12 млн человек.

Последняя треть XVIII в. стала для этого «государства в государстве» тревожным временем. Но Просвещение и Французская революция лишь сплотили ряды испанских священников. Церковь почувствовала себя в положении «осажденной крепости», и хотя костры инквизиции уже давно не пылали на испанских площадях, одной искры было достаточно, чтобы воспламенить души священников и повести их в новый крестовый поход против «неверных». Можно сказать, что под влиянием Французской революции в Испании к 1808 г. постепенно сформировалась целая «армия» священников, готовая в любой момент вступить в бой.

В 1808 г. у Франции были и потенциальные «союзники» в Испании. По мнению известного французского историка-испаниста Жана-Рене Эме, Война за независимость 1808–1814 гг. «не вписывается в традицию враждебности между Францией и Испанией»⁵. Вот уже сотню лет в Мадриде правили Бурбоны — потомки Филиппа V, внука «короля-солнца» Людовика XIV. Бурбоны принесли в Испанию французскую одежду, кухню и привычки, французскую архитектуру и музыку, французский язык

² *Gazeta de Madrid*. 1808. 3 de junio. Núm. 53. P. 530.

³ *Constitución de Bayona jurada por José Bonaparte el 7 de julio de 1808 (extractos)* // *Aymes J.-R.* *La Guerra de la Independencia en España (1808–1814)*. Madrid, 2008. P. 183.

⁴ См.: *Aymes J.-R.* *Op. cit.* P. 12.

⁵ *Ibid.* P. 5.

и, что немаловажно, дружественные отношения с соседней державой, которые были закреплены в трех Семейных пактах (1733, 1743 и 1761). Франко-испанские отношения на протяжении почти всего XVIII в., несмотря на временные охлаждения и проявившиеся противоречия, развивались мирно и взаимовыгодно — союз обеих держав был направлен против морской экспансии Великобритании и гарантировал сохранение французской и испанской колониальных империй.

После окончания Войны за испанское наследство Франция играла роль «старшего брата», «наставника» Испании. Иногда это порождало чувство зависти, дух соперничества и противоречия. Францию уважали, но в то же время опасались ее. Кроме того, «офранцузивание» затронуло лишь немногочисленную элиту испанского общества, но даже в ее среде сохранялось национальное, испанское начало. Оно проявлялось в увлечении испанской знати изначально «плебейскими» развлечениями: корридой, фанданго и фламенко. Народные мадридские образы «маноло» и «манола», «махо» и «маха»⁶; их непритязательная, но красивая в своей простоте одежда; свободное и независимое поведение становятся необычайно популярными среди испанской аристократии конца XVIII в. «Махизм» возник как реакция на «офранцузивание», но оба феномена были взаимосвязаны и даже дополняли друг друга. Так, образованный юноша из хорошей семьи того времени мог одеваться по последней французской моде и носить парик на официальных приемах, тайком читать французских просветителей, не пропускать ни одной мессы и исповеди, ходить на корриду, а по вечерам ужинать с друзьями в трактире, где его было почти невозможно отличить ни по одежде, ни по поведению от местных «маноло». Глава одного из знатнейших испанских родов, герцогиня де Альба заказывала платья у парижских портних, но для Франсиско Гойи позировала в наряде «махи». Многие полотна Гойи увековечили образ «маноло» и «махи».

Тем не менее у «махизма» были и свои противники, многие из них принадлежали к стану «офранцузенных». «Офранцузенными» (*исп.* «аfrancesado») в широком значении этого слова можно назвать всех тех испанцев, кто был наиболее подвержен культурному и политическому влиянию Франции на протяжении XVIII—XIX вв. Во время Войны за независимость так стали называть испанцев, сотрудничавших с французскими властями, занимавших посты в администрации Хосе I и приносивших ему клятву верности. Их также называли «присягнувшими» и

⁶ «Маноло» происходит от испанского имени Мануэль. Стало популярным обращением в Мадриде после постановки музыкальной пьесы «Маноло» испанского драматурга Рамона де ла Крусса в 1769 г. «Маноло» и «махо» стали синонимами, которые вмещали в себя понятия «красавчик», «щеголь» и «смельчак». Формы женского рода: «манола» и «маха».

«хосефино», то есть сторонниками Хосе I (*исп.* «jurementado» и «josefino»). Очевидно, понятие «офранцузенный» в первом значении не совпадает с понятием «присягнувший» — последний необязательно должен был восхищаться Францией и всем французским⁷. Первыми «присягнувшими» или «офранцузенными» во втором значении стали участники «Байоннских кортесов».

Как отметил Ж.-Р. Эме, «испанец, говоривший в начале XIX в. и одевшийся на французский манер, не обязан любезно встречать французскую солдатню, которая в 1808 г. захватывает и грабит испанскую землю, разрушая таким образом идеальный образ Франции. Кроме того, Франция 1808 г. уже не очень похожа на Францию 1750 г., 1792 г. или 1802 г.»⁸. Французская революция разделила испанских «офранцузенных» на сторонников и противников новой Франции. Все последующие политические изменения в соседней державе, помноженные на не всегда точные сведения и оценки, заставляли «офранцузенных» каждый раз вновь и вновь взвешивать на весах своей совести любовь к Франции и свои политические пристрастия. Окончательный выбор многие из них должны будут сделать после мая 1808 г.

После «байоннских отречений» Наполеон стремился найти поддержку среди местного населения, пытаясь представить себя в качестве реформатора. В манифесте к испанской нации от 25 мая 1808 г. он заявил: «Испанцы! После долгой агонии ваша нация оказалась на пороге смерти. Я увидел недуги, которые причиняют вам боль, и я собираюсь излечить их... Ваша монархия устарела. Моя миссия заключается в том, чтобы возродить ее, я улучшу ваши учреждения и дам вам наслаждаться благами реформы, без которой вы бы познали несчастья, беспорядки и потрясения... Я хочу, чтобы память обо мне достигла самых дальних ваших потомков и чтобы они восклицали: он был восстановителем нашей Родины»⁹. Теми же идеями возрождения Испании, восстановления ее былого могущества, пронизана официальная прокламация, с которой новый король Хосе I, находясь в Витории, обратился к испанской нации 12 июля 1808 г. Он заявил, что счастье подданных является самым заветным его желанием и что он рассчитывает на людей, стремящихся помочь вернуть Испании прежнее величие¹⁰.

Реформаторский потенциал новой династии привлекал испанцев, готовых сотрудничать с новой властью, несмотря на то, что в Испании начиналась война против французов и их императора, которого вос-

⁷ Подробнее об «офранцузенных» в истории Испании см.: *Artola M.* Los afrancesados. Madrid, 2008.

⁸ *Aymes J.-R.* La Guerra de la Independencia en España... P. 32.

⁹ *Gazeta de Madrid.* 1808. 3 de junio. Núm. 53. P. 530.

¹⁰ *Gazeta de Madrid.* 1808. 16 de julio. Núm. 88. P. 818–819.

ставшие испанцы стали называть «Антихристом». Но, как отметил Ж.-Р. Эме, «Наполеон являлся Антихристом только для клира и невежественного простонародья, для начитанного и просвещенного испанца было сложнее определить образ Франции»¹¹. Нельзя сказать, что «офранцузенными» двигали исключительно инстинкт самосохранения и боязнь потерять свои титулы, владения и должности. Для них, воспитанных на французской культуре, Франция все еще оставалась неким цивилизационным (во многом идеализированным) образцом, а Наполеон предстал в образе мудрого правителя, сумевшим его усмирить революцию, вернуть величие своей державе и завоевать чуть ли не весь мир. Ужасы Французской революции, да и само правление Карла IV и Фердинанда VII в Испании блекли перед силой, мощью и величием империи Наполеона Бонапарта. Поэтому для многих «офранцузенных» тот факт, что Наполеон выбрал новым королем Испании своего брата, не вызывал патриотического негодования, а скорее наоборот, побуждал их сотрудничать с новой властью, «даровавшей» Испании конституцию и обещавшей к тому же провести реформы, призванные возродить страну. В этом отношении они были готовы сотрудничать с Хосе I при условии сохранения единства и независимости испанской империи, а также католической религии. Кроме того, по аналогии с 1700 г. и учитывая официальные отречения Бурбонов, они считали смену династии легитимной и не видели в этом опасности для независимости Испании.

Среди «офранцузенных» (в широком смысле этого слова) были и противники Наполеона. Они считали его тираном, погубившим Французскую революцию. Испанцы консервативного толка считали его воплощением «религиозной гидры», а либералы – противником свободы¹². Часть «офранцузенных» присоединилась к патриотам. Как утверждал испанский писатель и историк XIX в. Хосе Муньос Мальдонадо, «необходимо признать очень важную для Истории истину. Самые талантливые, самые просвещенные люди Испании выбирали либо Кадисскую конституцию, либо Хосе I»¹³. Как бы то ни было, «офранцузенных» и «присягнувших» было не так уж много. По подсчетам современников и исследователей, в конце войны вместе с Хосе I испанскую землю покинуло около 12 000 его сторонников и сподвижников¹⁴.

Тем временем, разочарование французами и Наполеоном постепенно вытесняло прежние симпатии и восхищение. Байоннская конституция

¹¹ *Aymes J.-R.* La Guerra de la Independencia en España... P. 29.

¹² *Ibid.*

¹³ Цит по.: *Artola M.* Los afrancesados... P. 56.

¹⁴ *Ibid.*

так и не применялась на практике, обещанные преобразования откладывались. Единство Испании стало явной фикцией уже в 1808 г., когда началась война. Часть Испании восстала, часть была оккупирована французской армией. При этом маршалы Наполеона вели себя как вице-короли отдельных провинций, где располагались их войска, а король Хосе I, можно сказать, управлял лишь Мадридом и его окрестностями, как он сам признавался в своих письмах к брату. В 1810 г. политическое единство Испании было нарушено самим Наполеоном Бонапартом. 8 февраля он подписал декрет, согласно которому в Каталонии, Арагоне, Наварре и Бискайе были созданы правительства, независимые от Хосе I. Во главе этих провинций Наполеон поставил своих генералов, объединивших гражданскую власть и военное командование. Налоги и прочие доходы с упомянутых провинций шли в казну расквартированных в них армий¹⁵. В самом начале 1812 г. Наполеон аннексировал Каталонию: разделенная на четыре департамента, она стала частью его империи¹⁶.

Хосе I с самого начала своего правления постоянно жаловался брату на отсутствие средств в казне и самовольное управление французских военных, не подчинявшихся ему. Он безуданно и безрезультатно просил у Наполеона денег и солдат и даже думал отречься от испанской короны и вернуться в Неаполь¹⁷. Но для императора французов принцип «война кормит войну» был дороже королевского престижа и репутации брата. Хосе I не смог осуществить на практике обещанные прогрессивные реформы. В итоге этот, и так малораспространенный, образ «цивилизованного» и «мудрого» француза, якобы посланного самим Провидением, чтобы «спасти» и «возродить» Испанию, исчезал, повинясь самому ходу развития событий, — в Испании разворачивалась кровопролитная Война за независимость.

О Войне за независимость Испании написано множество работ. Существуют различные трактовки ее истоков и характера. В любом случае сложно не согласиться с мнением Ж.-Р. Эме, что война испанского народа «за короля, Родину и религию» являлась «борьбой, если и не контрреволюционной, то, по крайней мере, консервативной»¹⁸. Образно говоря, Наполеон принес в Испанию знамя Французской революции. И хотя оно было достаточно «потрепанным» и «куцым», подавляющее большинство испанцев не желало принять даже его.

Восстание в Мадриде 2 мая было быстро и жестоко подавлено, но вести о нем, а также новости о «байоннских отречениях» Карла IV и

¹⁵ Текст декрета см.: *Artola M.* Los afrancesados... P. 276–279.

¹⁶ *Ibid.* P. 208.

¹⁷ Подробнее об этом см.: *Ibid.* P. 107–155.

¹⁸ *Aymes J.-R.* La Guerra de la Independencia en España... P. 30.

Фердинанда VII распространились по всей стране, словно искры, разжигавшие пожар народной ненависти к французам. В некоторых случаях возмущение народа перерастало в вооруженные столкновения с французами. Начиная с 22 мая 1808 г. восстания охватили Картахену, Овьедо, Ла-Корунью, Бадахос, Севилью, Мурсию, Валенсию, Сарагосу, Самору и другие города Испании. Во многих случаях восставший народ самовооружался, захватывая арсеналы, и требовал от местных властей объявить войну французам ради защиты «религии, Родины, законов и короля». Местные и провинциальные власти: капитан-генералы, аудиенции (суды) и аюнтамьенто (городские советы) дискредитировали себя попытками успокоить население. Поэтому по всей Испании начали возникать новые политические структуры восставших – местные и провинциальные верховные хунты (*исп.* junta – собрание, союз), призванные заполнить вакуум власти и организовать вооруженное сопротивление французам. Первым шагом хунт было объявление войны Наполеону и создание вооруженных частей. 25 сентября 1808 г. в пригороде Мадрида Аранхуэсе была создана Верховная и Правительственная Центральная Хунта Королевства, действовавшая от имени «пленного» Фердинанда VII. Центральная хунта возглавила сопротивление французам.

Когда война на Пиренейском полуострове стала реальностью, часть «офранцузенных» влилась в лагерь патриотов. Одним из наиболее ярких примеров тому стал Педро Севальос Герра, бывший государственный секретарь Карла IV и Фердинанда VII. Последнего он в свое время сопровождал в Байонну, а после отречений испанских Бурбонов согласился стать государственным секретарем Хосе I. Вместе с новым королем Севальос Герра вернулся в Испанию, уже охваченную восстаниями против французов, и сразу же подал в отставку. Осенью 1808 г. он вошел в Центральную хунту, а в 1809 г. стал ее официальным послом в Лондоне.

Наполеон не прощал «перебежчиков». Находясь в Бургосе, он 12 ноября 1808 г. подписал декрет, в котором объявил герцогов дель Инфантадо, де Ихар, де Мединасели и де Осуна, маркиза де Санта-Крус, графов де Фернан-Нуньес и де Альтамира, князя Кагель-Франко, епископа Сантандера и дону П. Севальоса Герру «врагами Франции и Испании, изменниками по отношению к обоим коронам». Их предписывалось арестовать, предать военному трибуналу и казнить. Имущество этих десяти испанцев во всех оккупированных французами землях секвестрировалось на военные нужды Франции¹⁹.

¹⁹ Mercader Riba J. José Bonaparte, Rey de España (1808–1813): Estructura del Estado Español Bonapartista. Madrid, 1983. P. 25.

Война в Испании с самого начала носила народный характер. Против Наполеона Бонапарта, его брата и французов восстали священники, крестьяне, горожане, часть военных и отдельные представители аристократии. Своеобразной чертой этой войны стало мощное партизанское движение — «геррилья». Спротивление испанцев подпитывал религиозный патриотизм и народный монархизм. При этом смертельным врагом каждого восставшего испанца был ни много ни мало сам император французов Наполеон Бонапарт.

Ж.-Р. Эме не без основания писал: «Еще больше чем его генералы, Наполеон является излюбленной мишенью для множества авторов памфлетов и стихов, в которых сочетались политические соображения и оскорбления. Император, и только он, в конечном счете, становится ответственным за все беды»²⁰. С самого начала конфликта рефреном в испанской антифранцузской публицистике того времени и дипломатической переписке хунты стала версия о «вероломном похищении» Фердинанда VII «Желанного». Якобы Наполеон «обманом» заставил короля приехать в Байонну, а потом «силой» вынудил отречься от престола. Таким образом патриоты отрицали легитимность «байоннских отречений» и власти Хосе I.

В послании Верховной Правительственной Севильской хунты российскому императору Александру I от 27 июля 1808 г. говорилось: «Император французов Наполеон I, по введении своих войск в Испанию обманом, чтобы овладеть таковым же средством Португалиею, похитить у нас и увезти во Францию с ужасным вероломством нашего короля, государя Фердинанда VII, и всю королевскую фамилию, чтобы принудить их там отрешиться от королевства испанского насилиями, каковым нет примера в Бытописании, похитить владычество над Испанией, на которое не может иметь никакого права, и для произведения сего владычества избрать королем испанским своего брата Иосифа Наполеона, заставил нас для отвращения столь ужасных оскорблений и для защищения только священных прав поднять против него оружие»²¹. В приветственном послании Кадисских Кортесов российскому императору Александру I от 1 октября 1812 г. выражалась благодарность за признание Кадисской конституции и самих Кортесов, а также надежда на успешное продолжение войны против Наполеона, скрывавшего «сердце Нерона, вероломство Тиберия и жестокость Аттилы»²².

²⁰ *Aymes J.-R.* La Guerra de la Independencia en España... P. 25.

²¹ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 468. 1808 г. Д. 3269. Л. 10–11. Цитируется русский перевод того времени, сохранившийся в архиве. Опубликовано в: Россия и Испания: Документы и материалы. 1667–1917. В 2 т. Т. 2. 1800–1917. М., 1997. С. 32–36. «Иосифа Наполеона» — так в тексте источника. Имеется в виду Жозеф Бонапарт.

²² Россия и Испания: Документы и материалы... Т. 2. С. 73–75.

Слова «обман» (*исп.* «engaño»), «подлость», «вероломство» («perfidia»), «подлый», «вероломный» («pérfido»), «тиран» («tirano»), «деспот» («déspota»), «самозванец», «чужак» («intruso»), «корсиканец» («corso»), «завоеватель» («conquistador»), «узурпатор» («usurpador») и др. — постоянные спутники имени Наполеона Бонапарта в текстах, выходявших из-под пера патриотов, будь то дипломатическая переписка, официальные документы, прокламации, памфлеты или периодическая печать. В лице Наполеона персонафицировался образ всех французов, «вероломной» и «лживой» нации. Их называли «безбожниками» и «неверующими» (*исп.* «ímpío»), «варварами» («bárbaro»), «скотом», «дикарями» («bruto»), «бандитами», «разбойниками» («bandido»), «убийцами» («asesino») и т.д. Причем под «французами» зачастую подразумевались не только уроженцы Франции, но и представители других народов, воевавших в армии Наполеона в Испании.

Помимо этих негативных человеческих качеств, образ врага наделался и религиозно окрашенным содержанием: Наполеона, как уже отмечалось, считали и называли «Антихристом». Таким образом, «справедливая» война против него (война против захватчика) становилась «священной» (войной за веру), превращалась в крестовый поход — «крусаду» — против «неверных» и являлась религиозным долгом каждого испанца-католика. Эта религиозная составляющая образа врага имела огромное значение. Испания того времени — католическая страна, где были запрещены другие религии. Война за независимость возродила традиции пылкого и воинственного католицизма. Как отметил Ж.-Р. Эме, даже само понятие «Родина», которое до того времени носило более эмоциональное, нежели политическое содержание, имело религиозный оттенок²³. Эту неразрывную связь католической веры с любовью к Отечеству отмечали и современники событий. Так, второй муж Жермены де Сталь, уроженец Швейцарии, младший лейтенант Альбер-Жан-Мишель де Рокка, участвовавший в этой войне, впоследствии писал в своих мемуарах: «Характер испанцев этих регионов (имеются в виду окрестности Сарагосы. — *И.М.*) ни в чем не похож на характер других наций Европы. Их патриотизм так же религиозен, как и патриотизм древних [народов], когда ни один народ, несмотря на поражения, не позволял себе впасть в уныние и признаться в том, что побежден, пока оставались нетронутыми алтари защищавших его богов... Современные армии побеждают благодаря дисциплине, основанной на любви к военному делу, в то время как только политический или религиозный патриотизм делает нации непобедимыми»²⁴. Именно от этого религиозного патриотизма проис-

²³ Aymes J.-R. La Guerra de la Independencia en España... P. 25.

²⁴ Rocca A.-J.-M. de. Memorias sobre la guerra de los franceses en España / Ed. J.-R. Aymes, N. Bittoun-Debruyne. Madrid; Cádiz, 2011. P. 63.

текало столь негативное отношение испанцев к «безбожным» французам. Даже рождавшийся в те годы испанский либерализм был поначалу окрашен в католические тона. Приблизительно треть депутатов Кадисских кортесов были священниками. Неслучайно статья 12-я Кадисской конституции гласит: «Религией испанской Нации есть и будет вечно религия католическая, апостольская, римская, единственно истинная. Нация защищает ее мудрыми и справедливыми законами и запрещает исповедание какой-либо иной»²⁵. В этом вопросе первая испанская конституция ничем не отличалась от «Байоннской конституции», «дарованной» Испании Наполеоном Бонапартом.

Своеобразной квинтэссенцией религиозной составляющей образа Наполеона и французов стали широко распространенные в годы войны «политические» и «гражданские» катехизисы. В качестве иллюстрации приведу отрывки одного из них:

«Вопрос: Скажи мне, сын мой, кто ты таков?

Ответ: Испанец, милостью божьей.

Вопрос: Что такое значит испанец?

Ответ: Честный человек.

Вопрос: Какие обязанности испанца и сколько их?

Ответ: Три: быть добрым христианином, защищать свою веру, Отечество и короля и скорее умереть, нежели упасть духом.

Вопрос: Кто король наш?

Ответ: Фердинанд VII.

Вопрос: Как он должен быть любим?

Ответ: С величайшею горячностью, как того заслуживают его несчастья и его добродетель.

Вопрос: Кто враг нашего благополучия?

Ответ: Император французский.

Вопрос: Каков этот человек?

Ответ: Зол, горд, начало всякого зла, конец всякого добра, смешение и соединение всех пороков.

Вопрос: Какого он естества?

Ответ: Двоякого: дьявольского и человеческого.

Вопрос: Сколько французских императоров?

Ответ: Один в трех обманчивых лицах.

Вопрос: Какие суть сии лица?

Ответ: Наполеон, Мюрат и Годой (Князь Мира).

²⁵ Constitución política de la Monarquía española, promulgada en Cádiz a 19 de marzo de 1812. Discurso preliminar leído en las Cortes, al presentar la Comisión de Constitución el proyecto de ella. Cádiz, 2010. P. 6; Перевод Кадисской конституции на рус. яз. см.: *Алексеева Т.А.* Законодательство испанской революции 1808–1814 гг. СПб., 1996. С. 116–143.

Вопрос: Кто из них злее?

Ответ: Все равны.

Вопрос: От чего происходит Наполеон?

Ответ: От греха.

Вопрос: Мюрат?

Ответ: От Наполеона.

Вопрос: А Годой?

Ответ: От козней двух первых.

Вопрос: Каков характер первого?

Ответ: Гордость и деспотизм.

Вопрос: Второго?

Ответ: Хищность и свирепство.

Вопрос: А третьего?

Ответ: Скупость, измена и невежество.

Вопрос: К чему служат французы Наполеону?

Ответ: Одни для возвышения его гордости, другие, как орудия, для истребления рода человеческого.

Вопрос: Когда должен кончиться сей ужасный деспотизм?

Ответ: Он уже близок к падению.

Вопрос: На что мы должны полагать нашу надежду?

Ответ: На Бога и на усилия нашего Отечества.

Вопрос: Какая должна быть политика испанцев?

Ответ: Правила, предписанные нам Господом нашим Иисусом Христом.

Вопрос: А какова политика Наполеона?

Ответ: Макиавеллевская.

Вопрос: В чем состоит она?

Ответ: В себялюбии.

Вопрос: Какие же оной последствия?

Ответ: Разврат, разорение и истребление себе подобных»²⁶.

На формирование образа врага оказывали влияние реальные события и ужасы войны, поведение французской армии в Испании, разнообразная публицистика испанских патриотов и проповеди священников, звучавшие с амвонов испанских церквей. О жестокости той войны, мародерстве, насилии и издевательствах над пленными, женщинами и священниками, об ужасных пытках, публичных казнях и грудах захороненных трупов, о лютой взаимной ненависти французов и испан-

²⁶ Отрывки из «политического катехизиса» приводятся по: *Булгарин Ф.В.* Воспоминания об Испании. СПб., 1823. С. 49–54. Тексты на исп. яз. см., например: *Guerra de la Independencia. Proclamas, Bandos y Combatientes* / Ed. de S. Delgado (Biblioteca de visionarios heterodoxos y marginados). Madrid, 1979. P. 294–358.

цев, ненависти, превосходившей смерть, той ненависти, что заставляет измываться, осквернять и уродовать тело уже поверженного и мертвого врага, наглядное представление дает серия офортов Франсиско Гойя «Бедствия войны» («Los Desastres de la Guerra»). Эти гравюры, созданные в годы войны, не использовались тогда в качестве «пропагандистского оружия». Они были впервые опубликованы только в 1863 г., через 35 лет после смерти великого испанского художника²⁷. Гойя изобразил войну такой, какой ее увидел. На его офортах нет крупных сражений регулярных армий, мудрых полководцев и отважных солдат, готовых на подвиг. Главные герои его гравюр — нищие и истощенные испанские крестьяне и горожане, простые люди, мужчины, старики и женщины, которые с ножами, вилами, палками и камнями сражаются против добротной одежды и хорошо вооруженных французских солдат. Гойя изобличал именно ту неоправданную обоюдную жестокость и ненависть, с которой велась эта война, те ужасы, которые ей сопутствовали: насилие, издевательства, изуверства, голод, смерть. Трагедия народа, переросшая для художника в личную драму, заставляла его искать новые художественные средства. Итог этого поиска — картина «Колосс», написанная в 1808–1812 гг., — одна из главных загадок его творчества, предвосхищавшая его знаменитую «пинтуру негру» («черные картины»). До сих пор искусствоведы и историки не могут дать окончательного ответа на вопрос, кого символизирует огромная фигура, как будто вырастающая прямо из земли: Наполеона, французов, восставший испанский народ, слепую ненависть, войну, смерть или даже Фердинанда VII?

Война в Испании приняла крайне жестокий характер. Профессор Барселонского автономного университета Антонио Молинер Прада утверждает, что «восстание каталонцев против наполеоновских войск, несомненно, было самым мощным в Испании»: «Народ Барселоны восхищался отвагой и мужеством французских войск, когда они вошли в город 13 февраля 1808 г., но это ощущение вскоре обернулось ненавистью и презрением»²⁸. Само поведение французов стало тому виной. В начале лета 1808 г. «союзническая» армия превратилась в оккупантов. Вот как описаны действия французов в очерке «Современное положение Ката-

²⁷ Los Desastres de la Guerra de Francisco de Goya / Prólogo de J.L. Corral. Barcelona, 2005. P. IX; Goya. Caprichos, Desastres, Tauromaquia, Disparates: Reproducción completa de las cuatro series / Introducción de S. Paas-Zeidler. Barcelona, 2008. P. 93.

²⁸ Moliner Prada A. La imagen de Francia y de su ejército en Cataluña durante la Guerra del Francés (1808–1814) // La imagen de Francia en España (1808–1850) / Eds. J.-R. Aymes, J. Fernández Sebastián. Bilbao, 1997. P. 15, 31.

лонии», опубликованном 2 сентября 1808 г. в *Gazeta militar y política del Principado de Cataluña*:

«Не существует примеров жестокостей, равных тем, что происходят в Каталонии. Самое ужасное вероломство и злоупотребление искренностью, дружбой и благодеяниями. Те же самые дома и семьи, что более других служили и одаривали этих [французских] генералов, были подло разграблены, сожжены и захвачены без какой-либо причины. Храмы не просто разграблены, а разрушены; их мебель, [священные] сосуды и изображения — осквернены, и унижены, и уничтожены. Вплоть до греховного наслаждения — выпивать из потиров и дарохранительниц на улицах и в тавернах. Они сжигали деревни, обезглавливали детей, беременных женщин, подбрасывали вверх новорожденных, чтобы посадить их на штыки. Торговля рабами, которую французские авторы осуждали и от которой приходили в ужас, здесь происходила; причем торговали теми, кого называли друзьями. Открыто продавали младенцев за 2 реала, священников, мальчиков, девочек и девушек. Эти ужасы, которые когда-то творили дикари, совершают французы по собственной жестокости и согласно приказам своих генералов... Поэтому мы не сомневаемся, что Господь уже устал, что он нас уже покарал; мы рыдали, но теперь вместе со Всемогущим Господом мы вернем его славу. Гнев Господень уже падает на этих безбожников, варваров и скотов»²⁹.

Может показаться, что испанская газета преувеличивает преступления захватчиков, но сами французы в своих воспоминаниях и переписке того времени рисуют очень похожую картину. Многие из них достаточно цинично рассказывают о том, как останавливались на постоях в церквях и монастырях, сжигая всю пригодную утварь, о постоянных грабежах, поджогах, погромах, убийствах и насилиях. Французское командование пыталось сдерживать эти «беспорядки», но его усилия были тщетны³⁰.

Большое влияние на формирование образа врага оказывала печатная пропаганда патриотов. Еще 22 мая 1794 г., в разгар так называемой «Русильонской войны» с Францией (1793–1795), каноник Хуан Эскоикис передал тогда всесильному фавориту Мануэлю Годоу «Записку о вреде, который могут нанести Испании сегодняшние волнения в Европе». Будущий наставник принца Астурийского Фердинанда считал, что «всем объединившимся нациям, не воодушевленным как Франция, возможно не хватит сил чтобы покорить ее». Эскоикис одним из первых в Испании осознал специфику войны против революции и значение пропаганды. Вот его совет: «воодушевить против французов национальный дух и ис-

^{29 29} Цит. по: Ibid. P. 17–18.

^{30 30} См.: *Aymes J.-R. ¿Guerra de Independencia o Guerra de España? La visión de los memorialistas franceses // Rocca A.-J.-M. de. Memorias sobre la guerra de los franceses en España... P. 34–37.*

пользовать это воодушевление, чтобы увеличить военные силы», «наводнить Испанию, как это делают французы, политическими катехизисами, книжечками, листками, газетами, стихами и песнями, подходящими для разных классов, способностей и вкусов»³¹. Тогда эти предложения не осуществились. Испания проиграла «Руссильонскую войну». Теперь, в 1808 г. идеи Эскоикиса стали воплощаться в реальность, правда, уже без его участия — наставник Фердинанда VII отправился вместе с королем в Байонну и все годы войны провел во Франции.

С 1808 г. вся Испания была засыпана манифестами, памфлетами, воззваниями, прокламациями, декларациями, газетами, журналами, напечатанными «политическими» и «гражданскими» катехизисами, листовками, листками и записками³². Страна переживала настоящий «издательский бум»: на авансцену вышла печатная политическая пропаганда, началась «памфлетная война» всех против всех. Испанские патриоты писали против французов и «офранцузенных», последние пытались «усмирить» патриотов, французы писали против англичан и восставших испанцев, сторонники Кадисской конституции «боролись» с ее противниками, абсолютисты «сражались» с либералами. Ситуация осложнялась тем, что вчерашний «офранцузенный» мог запросто стать патриотом и либералом — тогда против него направлялись «копья» бывших соратников. Судя по огромному количеству всей этой печатной продукции, может показаться, что Испания в одночасье превратилась в страну всеобщей грамотности, хотя это было далеко не так.

Доля антифранцузских сочинений в этом потоке печатной продукции огромна. Франкофобия доходила до абсурда: выдвигались даже предложения запретить употребление слов, заимствованных из французского языка (а их в испанском языке большое количество). Испанские повстанцы активно использовали силу древнейшего оружия — пера — для того, чтобы воздействовать на патриотические чувства своих соотечественников, а также завладеть общественным мнением европейских стран. 1 сентября 1808 г. Севальос Герра закончил написание яркого политического памфлета против Наполеона Бонапарта. «Быв свидетелем обстоятельств, предшествовавших происшествию в Байонне, и действовавшим лицом в самом сем происшествии», Севальос Герра подробно описывает дипломатические интриги французского императора и «ужасные насилия, причиненные как возлюбленному

^{31 31} Цит по: *Artola M. La Revolución Española (1808–1814)*. Madrid, 2010. P. 27.

^{32 32} Существует большое количество переизданий и переводов этой литературы. См., например: *Guerra de la Independencia. Proclamas, Bandos y Combatientes* / Ed. de S. Delgado (Biblioteca de visionarios heterodoxos y marginados). Madrid, 1979. Один из наиболее ярких памфлетов того времени: *Capmany A. de. Centinela contra franceses*. Madrid, 2008.

королю нашему Фердинанду VII, так и всей [испанской] нации»³³. Уже зимой 1808–1809 гг. памфлет Севальоса и другие издания испанских патриотов наводнили Европу. «Успех этого произведения, – писал о памфлете Севальоса Герры наполеоновский дипломат Д. Дюфур де Прадт, – был необычайным. Стены домов Лондона были покрыты его копиями. Вскоре Германия и север оказались им наводнены»³⁴. В России, несмотря на официальный «дух Тильзита», антифранцузская брошюра Севальоса Герры (издание на испанском языке) появилась в конце 1808 г., и впоследствии неоднократно издавалась на французском и русском языках. Русское издание называлось «Французы в Гишпании, или описание событий, сопровождавших похищение Гишпанской короны, и коварных средств, употребленных императором французским для достижения сей цели» (СПб., 1812). С этим памфлетом ознакомились император Александр I и российский министр иностранных дел Н.П. Румянцев³⁵. Многочисленные издания и переводы произведений П. Севальоса Герры и других испанских патриотов несли в Европу негативный образ Наполеона и французов, сформировавшийся на Пиренейском полуострове.

В самой Испании политическая публицистика была доступна лишь небольшой части населения – образованным и грамотным испанцам. Там, где печатное слово оказывалось бессильным, «глас Божий» помогал разоблачать «вероломства» Наполеона Бонапарта и его армии. Испанская церковь активно участвовала в войне против французов, была одной из главных движущих сил этого конфликта и оказывала огромное влияние на формирование образа врага. Священнослужители выступили против Наполеона Бонапарта, правительства Хосе I и французских войск с развернутыми стягами католической веры и абсолютизма. Уже в конце мая 1808 г. епископ Сантандера Рафаэль Томас Менендес-и-Луарка, возглавивший местную хунту, провозгласил: «Только суверены сами по себе создают или уничтожают, возвеличивают или унижают,

³³ Французы в Гишпании, или описание событий, сопровождавших похищение Гишпанской короны, и коварных средств, употребленных императором французским для достижения сей цели. Изданное Кеваллосом, первым государственным секретарем короля Фердинанда VII / Пер. с фр. СПб., 1812 г. С. 1–2. Испанское издание: *Exposición de los hechos y maquinaciones que han preparado la usurpación de la corona de España, y los medios que el Emperador de los Franceses ha puesto en obra para realizarla*, por Don Pedro Cevallos, Primer Secretario de Estado y del Despacho de S. M. C. Fernando VII. Madrid, 1808.

³⁴ Цит. по: *Додолев М.А.* Внешняя политика Испании в период войны за независимость (1808–1814) (К вопросу о характере испанской дипломатии и ее роли в создании антинаполеоновской коалиции) // *Проблемы испанской истории*. М., 1987. С. 210.

³⁵ *Додолев М.А.* Россия и Испания, 1808–1823 гг.: Война и революция в Испании и русско-испанские отношения. М., 1984. С. 55.

позорят, разоряют или заставляют сиять и процветать свои государства». Епископ Сантандера призывал бороться против французов «за религию, Бога, Иисуса Христа, короля, народ, справедливость и нашу безопасность»³⁶. Многие священники, как и епископ Сантандера, вошли в хунты и воодушевляли вооруженное сопротивление французам. Многие участвовали в военных действиях против захватчиков. «Порочный круг» вскоре замкнулся. Священники, опасаясь антирелигиозных мер нового правительства и разграбления святынь, выступали против французов и правительства Хосе I. Сами французы грабили церкви и убивали священников, понимая, что церковь является активной силой сопротивления. Священники с еще большей яростью обрушивались на оккупантов, что вызывало новые репрессии французов по отношению к испанскому клиру.

А. Молинер Прада утверждает: «Судя по всем изученным источникам, именно черное духовенство с первых дней организовывало сопротивление [французам] в Барселоне... Нескольких священников посадили в тюрьму, обвиняя их в том, что они своими проповедями возбуждали народ... В основном монахи возглавляли всевозможные [антифранцузские] заговоры, которые имели место в Барселоне во время войны... Именно в монастырях формировались хунты восставших, которые планировали упомянутые заговоры в годы наполеоновской власти, там же создавались склады оружия, пороха и других запасов... Во всех деревнях и городах участие духовенства в сопротивлении было эффективным»³⁷. В ответ французские солдаты, захватывая монастыри и церкви, убивали священников и оскверняли святыни.

Не только в адрес французов сыпались проклятия с амвонов испанских церквей. Обилие врагов доброго испанского католика того времени поражает воображение. В одном из «политических катехизисов» приводится их список:

«Вопрос: Сколько существует врагов души?

Ответ: Много, отец.

Вопрос: Кто они?

Ответ: “Офранцузенные”, масоны, материалисты, якобинцы, янсенисты, либералы, болтуны, журналисты, [суетный] мир, дьявол, плоть и весь этот хаос, который нас окружает»³⁸.

³⁶ Цит. по: *Aymes J.-R. La Guerra de la Independencia en España...* P. 27.

³⁷ *Moliner Prada A. Op. cit.* P. 19.

³⁸ Цит. по: *Aymes J.-R. La Guerra de la Independencia en España...* P. 78. Согласно католической доктрине, существуют три «врага души»: дьявол, суетный мир и плоть. В Испании их перечень значительно расширился в годы Войны за независимость.

Другим средством, способным воздействовать на безграмотное население, стали всевозможные картинки, выпускавшиеся испанскими патриотами. В основном это офорты или отпечатки, сделанные посредством ксилографии. Они носили не только пропагандистский, но и сатирический характер³⁹. Этот своеобразный испанский «лубок» воспевал испанский героизм и высмеивал французов. Наполеон обычно изображался в виде животного с человеческой головой, рядом с ним часто рисовали черта или дьявола. Очень распространенными художественными средствами были аллегория и символизм — на многих картинках «испанский» лев побеждает «имперского» орла. Испанские патриоты высмеивали Хосе I и его пристрастие к алкоголю. Хрестоматийным стало изображение короля со сложными как при молитве руками, стоящего на коленях в бутылке с вином. Внизу картинка зарифмованная фраза: «У каждого своя судьба, твоя — быть пьяным до самой смерти» (*исп.* «Cada cual tiene su suerte, la tuya es de borracho hasta la muerte»).

Негативный образ французов зачастую формировался на противопоставлении образу героического испанца, верного своей религии и преданного своему монарху, Фердинанду VII «Желанному». Это противопоставление впоследствии оказало значительное влияние на развитие испанского патриотизма, так как война против французов вскоре стала одним из «опорных камней» национального самосознания испанцев⁴⁰. С одной стороны, война завершилась победой патриотов — в Мадрид вернулся Фердинанд VII. С другой — Испания вышла из войны ослабленной и опустошенной, неспособной играть значительную роль на международной арене и сопротивляться распаду империи. В результате, такие характеристики национального самосознания, как закрытость, изоляция, погружение в себя и свое героическое прошлое, способствовали формированию и длительному сохранению негативных стереотипов иностранцев, прежде всего французов и англичан. Конечно, испепеляющая ненависть к французам времен Войны за независимость вскоре утонула, но франкофобия еще долгое время была достаточно распространенной в Испании. Ее отмечали иностранные (в том числе российские) путешественники, журналисты и дипломаты. Так, находившийся в Испании в годы Первой мировой войны советник россий-

³⁹ Подробнее см., например: *Corrales Burjalés L.* El poder de la imagen durante la Guerra de la Independencia: el caso de Cataluña // *Hispania Nova. Revista de la Historia Contemporánea.* Núm. 9. 2009. P. 253–279. <http://hispanianova.rediris.es/9/dossier/9d001.pdf>.

⁴⁰ О мифологизации войны и ее роли в развитии испанского патриотизма и национального самосознания см., например: *Álvarez Junco J.* La invención de la Guerra de la Independencia // *Studia Historica. Historia contemporánea.* Vol. XII. Salamanca, 1994. P. 75–99; *Sombras de mayo: Mitos y memorias de la Guerra de la Independencia en España (1808–1908).* Madrid: Casa de Velázquez, 2007.

ского посольства Ю.Я. Соловьев впоследствии писал в своих мемуарах: «Население Испании, плохо знающее иностранцев, которых в общем недолюбливает, питает особую ненависть к французам и англичанам. В Северной Испании всякий иностранец называется “француз”, а на юге — “инглез”»⁴¹.

Итак, образ французов и Франции в годы Войны за независимость Испании не был единым. Он напрямую зависел от образования, политических взглядов и пристрастий самих испанцев. «Две Испании» рождавшиеся в горниле Войны за независимость и первой испанской революции еще не стали непримиримыми врагами. Большая часть испанцев того времени была необразованной, верной католической религии и абсолютизму, не готовой принять революционные либеральные преобразования, тем более навязанные извне. Молодой испанский либерализм был еще слишком слабым течением и в годы войны был вынужден объединиться с наиболее консервативными силами страны против иноземных захватчиков. У либералов и консерваторов был общий враг — Наполеон, французы и «офранцуженные», (последние, по сути, являлись сторонниками «просвещенного абсолютизма» и умеренных преобразований). В результате, сам термин «офранцуженный» станет на долгие годы синонимом «предателя» и «коллорациониста», а негативный образ французов с ярко выраженной религиозной окраской окажется распространеннее и сильнее образа «просвещенного» француза и моды на Францию. Одной из главных характеристик этого образа была персонафикация всех французов в лице Наполеона Бонапарта, «тирана», «узурпатора» и «Антихриста».

Известный испанский историк крайне консервативного толка и один из влиятельнейших авторов франкистской эпохи Хесус Пабон опубликовал в 1944 г. книгу «Наполеоновские идеи и система», в конце которой размышлял о главных «ошибках империи». Их он выделил три: религиозную, национальную и монархическую. Первая заключалась в непонимании Наполеоном сути религии и церкви и в их восприятии исключительно в качестве политической силы. Вторая — в недооценке патриотизма. Третья являлась логичным следствием двух первых: «Если Наполеон не постигает религиозную истину и истину национальную, ему не удастся осознать силу трона, которая основывается на этих истинах; он не поймет этот *сакраментальный идеал* — “союз видимого с невидимым, воздвигнутый на таинстве”, воплощение всего общества в одном человеке, святость королевского таинства,

⁴¹ Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата. 1893–1922. М., 1959. С. 275. «Француз» (исп. «francés») — «француз», «инглез» («inglés») — «англичанин».

что король — не только духовный символ, но и реальное воплощение народа»⁴².

В Испании, согласно Х. Пабону, Наполеон Бонапарт совершил «тройную ошибку». Конечно, современный ученый вряд ли согласится с испанским историком в вопросе о сакральности королевской власти, но эта убежденность Х. Пабона унаследована от мировоззрения тех самых испанцев, которые сражались против «Антихриста» и его войска. Именно это мировоззрение — осознанный или интуитивный глубоко религиозный монархизм-патриотизм — заставляло многих испанцев идти на смерть за «веру, короля и Родину». Именно оно придавало образу французов в Испании столь яркий религиозный колорит.

---

⁴² *Pabón J.* Las ideas y sistema napoleónicos / Ed. C. Seco Serrano. Pamplona, 2003. P. 87.

В.С. Ржеуцкий*

МОСКОВСКИЕ ФРАНЦУЗЫ В 1812 ГОДУ И СОЗДАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА

История французского землячества в Москве периода войны 1812 года представляет интерес для понимания положения иностранцев в России того времени вообще. Но, прежде всего, она показывает, как тогда создавался образ врага, как он воспринимался проживавшими в Москве французами и как повлиял на их судьбу.

* * *

В царствование Александра I правительство не оставляло заботой эмигрантов, думая об улучшении условий переселения и интеграции иностранцев в России, но, с другой стороны, размеры эмиграции и ее цели корректировались: Россию интересовали квалифицированные переселенцы, и в сравнительно небольшом количестве¹.

В начале XIX в. отношения Франции и России переживали острый кризис, достигший своего пароксизма в разгроме русских войск при Аустерлице на исходе 1805 г. Когда же в начале 1806 г. на русские суда во французских портах было наложено эмбарго, а товары, которые они перевозили, были пущены на продажу, российское правительство мгновенно приняло ответные меры. 28 января министр иностранных дел России кн. Чарторыйский официально обратился к французскому генеральному консулу де Лессепсу с предупреждением, что средства защитить своих подданных у русского императора имеются, достаточно вспомнить о множестве французов, торгующих в России, и о состояниях, которыми они владеют². Положение французов, проживающих в России, внушает опасения, отмечает в своих посланиях французский консул. Впервые, кажется, французские дипломатические представители напрямую связывают внешнеполитические проблемы двух стран с положением французов в России и просят Париж о положительном решении проблемы эмбарго³. Слухи о возможных репрессиях против «русских французов» еще более накаляют обстановку,

* Владислав Станиславович Ржеуцкий, кандидат исторических наук, научный сотрудник Бристольского университета (Великобритания)

¹ Ср. указы 9 мая 1802 г. // Полное собрание законов, СПб., 1830 (далее – ПСЗ). Т. 27. № 20259. «О правилах приема и водворения заграничных переселенцев». А также указы от 6 февраля 1803 г. // Там же. № 20610; от [без даты] февраля 1803 г. // Там же. № 20646.

² Ср.: Archives du Ministère des Affaires Étrangères (далее – МАЕ). CP. Russie. Vol. 145. P. 3 verso.

³ Ibid. P. 8–8 verso.

и несколько французов изымают свои вклады из русских банков⁴. 30 августа 1806 г. подписан указ, в котором дается оценка развитию отношений Франции и России⁵, а 28 ноября того же года Сенат получает новый указ⁶, которым предусматривались меры следующего порядка: запрещение судам Франции и ее союзников входить в российские порты, прекращение действия торгового договора с Францией, экстрадиция французских дипломатов и агентов из пределов империи, а также выдворение всех подданных Франции и ее союзников (имелись в виду выходцы из Голландии, Генуи, Неаполя). Однако из этого числа исключались все те, кто был согласен принести присягу в том, «что они никакого сношения ни посредственно, ни непосредственного во Франции и областях вышеозначенных с подданными тех областей иметь не будут, доколе война продолжится». При этом все те, кто принимал российское подданство, «имеют остаться спокойны под общим покровительством законов и прав, каждому званию и состоянию присвоенных». Имена приносивших присягу и принимавших подданство должны были быть напечатаны в Санкт-Петербургских ведомостях. Учреждались Комиссии для разбора иностранцев, причем важно было успеть принести присягу в течение 8 дней. Давление было сильным, многие в этой ситуации шли на принятие русского подданства⁷. Именно к этому времени относятся и массовые переходы в русское подданство московских французов, в частности купцов, которые много лет спустя заявляли, что были натурализоваться вынужденно⁸.

Конечно, политический контекст эпохи сам по себе давал, казалось бы, веские основания для столь жестких решений. Но в указе также упоминается о проживающих в России французских подданных, которые, находясь под защитой законов Российской империи, злоупотребляли

⁴ Ibid. P. 14.

⁵ Манифест «О предстоящей войне с Францией» от 30 августа 1806 г. // ПСЗ. Т. 29. № 22256.

⁶ Указ от 28 ноября 1806 г. «О высылке из России всех подданных Французских и разных Немецких областей, которые не пожелают вступить в подданство; о непропуске оных в Россию без паспортов Министра иностранных дел; о прекращении действия торгового договора с Францией и об учреждении Комиссии для разбора иностранцев» // ПСЗ. Т. 29. № 22371.

⁷ ЦГИА Санкт-Петербурга. Ф. 781 (Городское депутатское собрание). Оп. 4. Ед. хр. 60. (Книга на записку иностранцев, учинивших присягу на подданство России кои предъявляли виды, данные им из Комиссии для разбора их учрежденной 1806 года). В этом списке около 600 петербуржцев-иностранцев, принявших русское подданство, в большинстве своем французов.

⁸ См. дело о детях Франсуа Гутта, перешедшего в русское подданство в 1806 г. Поскольку все архивы о натурализации москвичей сгорели в пожаре 1812 г., французские купцы, принесшие аналогичную присягу вместе с Ф. Гуттом, подписали тогда акт удостоверяющий, что Гутт принес присягу только за себя, но не за своих детей, которые остались, таким образом, французскими подданными. Этот акт подписали такие известные французские купцы Москвы как Морис Алларт, Франсуа Рисс, Жан-Батист Прори и Александр Демонси. — MAE Paris. Vice-consulat de Moscou. 1827 (неразобранные материалы).

Thank you for evaluating AnyBizSoft PDF Splitter.

A watermark is added at the end of each output PDF file.

To remove the watermark, you need to purchase the software from

<http://www.anypdftools.com/buy/buy-pdf-splitter.html>